

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
Дэвида МИТЧЕЛЛА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Голодный дом

•

Облачный атлас

•

Тысяча осеней Якоба де Зута

•

Костяные часы

•

Под знаком черного лебедя

•

ДЭВИД
МИТЧЕЛЛ

ПОД
ЗНАКОМ
ЧЕРНОГО
ЛЕБЕДЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 67

David Mitchell
BLACK SWAN GREEN
Copyright © 2006 by David Mitchell
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-11621-4

© Т. П. Боровикова, перевод, примечания,
2020
© А. Б. Гузман, примечания, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе — это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» — 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны — и совершенно уместны.

Kirkus Reviews

Митчелл — один из лучших писателей современности.

San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.

Mail on Sunday

«Под знаком черного лебедя» — идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты.

Telegraph

Чем эта книга впечатляет даже сильнее «Облачного атласа», так это тем, насколько естественно формальные ухищрения, сквозная литературность вплавлены в достоверную историю взросления, проживаемую читателем как свою. «Эпично», как сказал бы Джейсон.

Literary Review

Митчелл лихо испытывает на прочность литературные условности и сам язык, безукоризненно воспроизводя склад ума и манеру речи проблемного подростка.

Tatler

Трогательная, волнующая, тревожная книга. И в то же время невероятно смешная, даже — вернее, парадоксально, именно тогда — в самые тяжелые, напряженные моменты.

Observer

Блистательный роман. Торжество литературы как освобождающей силы и в то же время иллюстрация того, что застенчивость, неспособность внятно выразиться, даже виктимность тоже формируют будущего писателя.

The Times

Наше коллективное бессознательное до сих пор в плену у восьмидесятых, но недостаточно упомянуть «Дюран-дюран» или Фолкленды, чтобы воскресить это десятилетие во всей его пугающей красе. Для этого нужен талант масштаба Дэвида Митчелла.

Independent

Дэвид Митчелл прославился романами самого масштабного охвата — и географически, и хронологически, и жанрово. Здесь же он сосредоточивает все свое писательское мастерство на одной деревушке, одном годе и одной жанровой модели — романе взросления. Результат, как и следовало ожидать, умопомрачительный.

Time

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

*Адам Джонсон
(лауреат Пулицеровской премии)*

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших — если не самым лучшим — современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом...

Джо Хилл

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Дэвид Митчелл — настоящий волшебник.

The Washington Post

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей... Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и занимательнее предыдущего. Его проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удастся так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.

The Times

Митчелл — непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.

Daily Telegraph

Митчелл — один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие.

The Boston Globe

Дэвида Митчелла, бесспорно, можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро...

The Atlantic

Митчелл — прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.

The New Yorker

Митчелл — писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.

New York

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.

Дэвид Митчелл

Содержание

Январский день рождения	11
Вешатель	45
Родственники	76
Верховая тропа	116
Роковой рокарий	163
Призраки	199
Солярий	236
Сувениры	277
Глист	325
Точильщик ножей	359
Гусиная ярмарка	398
Дискотека	423
Январский день рождения	458
Благодарности	482
Примечания. <i>А. Гузман, Т. Боровикова</i>	483

Январский день рождения

«Ко мне в кабинет — ни ногой». Такое правило установил папа. Но телефон прозвонил уже двадцать пять раз. Нормальные люди обычно сдаются после десяти-одиннадцати звонков, если только речь не идет о жизни и смерти. Правда же? У папы есть автоответчик, как у Джеймса Гарнера в сериале «Досье детектива Рокфорда», с большими бобинами пленки. Но в последнее время папа перестал его включать. Тридцать звонков. Джулия не слышит, у нее в мансарде грохочет на полную катушку *Human League* — «Don't You Want Me»¹. Сорок звонков. Мама тоже не слышит — она пылесосит гостиную, и к тому же у нее стиральная машина трясется как бешеная. Пятьдесят звонков. Тут что-то не так. А если папу раскатало в лепешку в аварии на М5 и у полиции есть только этот номер телефона, потому что остальные папины документы сгорели? Тогда мы лишимся последнего шанса повидать обгоревшего отца перед его смертью в больнице.

И я переступил порог, чувствуя себя как жена Синей Бороды, которая нарушила запрет. (Конечно, Синей Бороде только того и надо было.) В папином кабинете пахнет фунтовыми банкнотами — бумажный и одновременно металлический запах. Из-за опущенных жалюзи казалось, что сейчас вечер, а не десять утра. На стене очень суровые

---

¹ «Разве ты меня не хочешь» (англ.).

часы — у нас в школе везде висят точно такие же. И фотография: Крейг Солт пожимает папе руку по случаю того, что папу сделали региональным директором продаж «Гринландии» (через «и», так называется сеть супермаркетов, а не через «е», как остров). На стальном столе — папин компьютер *IBM*. Он стоит тысячи фунтов, чесслово. Телефон у папы в кабинете красный, будто аппарат экстренной связи у какого-нибудь президента. И с кнопками, которые надо нажимать, а не с диском, как у нормальных телефонов.

В общем, я набрал воздуха в грудь, поднял трубку и назвал наш домашний номер. Хотя бы его я могу произнести не запинаясь. Обычно.

Но в трубке молчали.

— Алло! — произнес я. — Алло?

Человек на том конце дышал так, как будто порезался бумагой.

— Вы меня слышите? Я вас не слышу.

Еле слышно заиграла мелодия из «Улицы Сезам».

— Если вы меня слышите, стукните по трубке один раз. — Я вспомнил детский фильм, в котором так делали.

Стука не последовало, только музыка из «Улицы Сезам» продолжала играть.

— Наверно, вы ошиблись номером, — предположил я, теряясь в догадках.

На том конце завопил младенец, и трубку бросили.

Когда тебя кто-то слушает в телефоне, получается *слышательный* звук.

Я его слышал. Значит, на том конце слышали меня.

«Семь бед — один ответ». Эту пословицу мы сто лет назад проходили с мисс Трокмортон. Раз уж подвернулся предлог зайти в папин кабинет, я раздвинул полоски жалюзи, острые как бритва, и глянул в окно — за церковные

земли, сквозь ветви флюгерного дерева с петухом, за поля — на Мальвернские холмы. Бледное утро, ледяное небо, холмы покрыты коркой льда, но снег, кажется, не задержался надолго. Обидно. У папы вращающееся кресло — почти такое же, как в орудийных башнях «Сокола Тысячелетия» у лазерных батарей. Я принялся палить в советские МиГи, заполонившие небо над Мальвернскими холмами. Вскоре я уже героически спас десятки тысяч мирных жителей отсюда до Кардиффа. Приходская земля покрылась обломками фюзеляжей и обугленными крыльями. В советских летчиков, когда катапультируются, я стрелял иглами со снотворным. Наши морские пехотинцы потом всех подберут. Меня захотят осыпать медалями, но я откажусь. «Нет, спасибо, — отвечу я Маргарет Тэтчер и Рональду Рейгану, когда они придут к маме на чай. — Я лишь выполнял свой долг».

У папы на столе прикручена невероятно клевая точилка для карандашей. Они становятся такими острыми, что хоть рыцарские латы прокальвай. Самые острые — Т. Это папины любимые. Я предпочитаю 2М.

Позвонили в дверь. Я поправил жалюзи, убедился, что не оставил других следов, выскользнул из кабинета и помчался вниз — посмотреть, кто пришел. Последние шесть ступенек я преодолел одним отчаянным скачком.

Это оказался Дурень — дыбящийся и прыщавый, как всегда. Пух у него на лице стал заметно гуще.

— Спорим, не угадаешь, что случилось!

— Что?

— Знаешь озеро в лесу?

— Что с ним такое?

— А оно, — тут Дурень оглянулся, чтобы проверить, не подслушивает ли кто, — взяло да и замерзло! Половина ребят уже там. Круто, а?

— Джейсон! — Из кухни вышла мама. — Холоду напустишь! Либо пригласи Дина в дом — *здравствуй*, Дин, — либо закрой дверь.

— Э... мам, я выйду ненадолго.

— Э... куда?

— Подышать воздухом. Это очень полезно для здоровья.

Большая ошибка.

— Что это ты затеял?

Я хотел сказать «ничего», но Вешатель не позволил.

— Почему ты думаешь, что я что-то затеял?

Я стал надевать темно-синее пальто, старательно избегая ее взгляда.

— А что не так с твоей новой черной курткой, позволь спросить?

Я по-прежнему не мог выговорить «ничего». (Вообще-то надеть черное — значит заявить о своей принадлежности к крутым пацанам. Но взрослым таких вещей не понять.)

— Пальто потеплее. На улице холодновато.

— Имей в виду, обед ровно в час. Папа приедет. Надень вязаную шапку, а то голова замерзнет.

Вязаные шапки — это для педиков, но я послушался — потом суну ее в карман.

— До свиданья, миссис Тейлор, — сказал Дурень.

— До свидания, Дин, — ответила мама.

Она его недолюбливает.

Дурень одного роста со мной. Парень он ничего, но от него ужасно разит супом. Он носит всегда слишком короткие штаны из секонд-хенда и живет на Драггерс-Энд, в маленьком кирпичном домике, который тоже весь пропах супом. На самом деле Дурня зовут Дин Дуран, но наш

учитель физкультуры мистер Карвер сразу же стал звать его «дурень», и кличка прилипла. Я зову его Дин, когда нас больше никто не слышит, но с именами все не так просто. Самые популярных парней зовут просто по имени — например, Ника Юэна всегда называют только Ник. Среднепопулярных — как Гилберт Свинъярд — зовут кличками, вроде как почтительными, типа Ярди. На ступень ниже стоят ребята вроде меня, которые называют друг друга по фамилии. Еще ниже — с издевательскими кличками: прилепят, и ходи с ней. Вот как Дуран — Дурень, или Бест Руссо, у которого кличка Без Трусов. Если уж родился мальчиком, то от иерархии, как в армии, тебе никуда не деться. Назови я Гилберта Свинъярда просто «Свинъярд», он заедет мне в морду с ноги. А стану звать Дурня по имени при всех, это меня самого понизит. Приходится быть бдительным.

Девочки обычно не так следят за иерархией, кроме Дон Мэдден — она, мне кажется, на самом деле мальчик и только по ошибке получилась девочкой. Они и дерутся гораздо меньше. (Впрочем, как раз перед рождественскими каникулами Дон Мэдден зверски сцепилась с Андреа Бозард. Они стояли в очереди на автобус после школы и начали обзывать друг друга суками и шлюхами. Потом принялись молотить друг друга кулаками по сиськам, таскать за волосы, и все такое.) Иногда я жалею, что не родился девчонкой. Они обычно гораздо более цивилизованны. Но стоит проговориться об этом, как на моем шкафчике в школе обязательно нацарапают «ПЕДИК». Так случилось с Флоридом Чейсли, когда он признался, что любит музыку Баха. Имейте в виду: если в школе когда-нибудь узнают, что Элиот Боливар, чьи стихи публикуются в приходском журнале Лужка Черного Лебедя, — это я, меня забьют до смерти за теннисным кортом молотками

из школьной мастерской и намалюют эмблему *Sex Pistols* на моем надгробии.

Короче, пока мы с Дурнем шли к озеру, он рассказал мне про электрическую автодорогу, которую ему подарили на Рождество. На следующий же день трансформатор от нее взорвался, и всю семью чуть не убило. «Ага, щаз», — сказал я. Но Дурень поклялся могилой своей бабушки. Тогда я посоветовал ему написать в передачу «Это жизнь» на Би-би-си — тогда Эстер Ранцен заставит производителя выплатить компенсацию. Дурень сказал, что это вряд ли получится, потому как его папка купил эту штуку у одного «брамми» на рынке в Тьюксбери перед Рождеством. Я не рискнул спросить, что такое «брамми», — вдруг это матерное слово. И только сказал: «Ага, ясно». Дурень спросил, что подарили на Рождество мне. Я на самом деле получил подарочных карточек в книжный магазин на 13 фунтов 50 пенсов и плакат с картой Средиземья, но книги — это для педиков, так что я рассказал Дурню про игру «Жизнь», которую мне подарили дядя Брайан и тетя Алиса. Это настольная игра — ее цель в том, чтобы как можно быстрее провести свою фишку-автомобиль по «жизненному пути» и набрать при этом как можно больше денег. Мы пересекли дорогу у «Черного лебедя» и вошли в лес. Я пожалел, что не помазал губы вазелином, — они у меня трескаются от холода.

Скоро мы услышали за деревьями вопли, крики и возню ребят.

— Кто последним добежит до озера, тот калека! — крикнул Дурень и помчался, застав меня врасплох.

Но тут же споткнулся о край мерзлой колеи, взлетел в воздух и приземлился на задницу. Дуран в своем репертуаре.

— Кажется, у меня сотрясение, — сказал он.

— Сотрясение бывает, когда ударишься головой. Но если у тебя мозги в жопе, тогда конечно.

Какая отличная реплика! Жаль, *кто надо* этого не слышал.

Озеро в лесу было просто *эпическое*. Во льду застыли пузырьки воздуха, совсем как в мятных карамельках. У Нила Броуза были настоящие олимпийские коньки, и он сдавал их напрокат всем желающим по пять пенсов за раз. Питу Редмарли Броуз разрешал кататься бесплатно, чтобы другие ребята увидели и тоже захотели прокатиться. На льду и без коньков трудно. Я упал тыщу раз, пока наконец не приновился скользить на подошвах кроссовок. Пришел Росс Уилкокс со своим двоюродным братом Гэри Дрейком и с Дон Мэдден. Все трое неплохо катаются. Дрейк и Уилкокс теперь тоже выше меня. (Они были в перчатках без пальцев — пальцы специально отрезали, чтобы похвалиться шрамами, заработанными в игре «Королева шрамов». Меня бы мама за такое убила.) На кочковатом островке посреди озера, где летом живут утки, сидел Подгузник и орал «Зопой квелху! Зопой квелху!» каждый раз, когда кто-нибудь падал. У Подгузника не в порядке с головой, потому что он родился раньше времени. Поэтому его никогда не бьют. Во всяком случае, сильно не бьют. Грант Бёрч взял велосипед-чоппер своего слуги Филипа Фелпса и прямо выехал на нем на лед. Сперва он держался, но потом решил задрать переднее колесо и взлетел в воздух. Когда велосипед приземлился, то выглядел так, будто Ури Геллер замучил его до смерти. Фелпс криво ухмылялся. Наверняка пытался сообразить, что скажет отцу. Потом Пит Редмарли и Грант Бёрч решили, что замерзшее озеро идеально подходит для игры в «британских бульдогов». Ник Юэн сказал: «Я — за», так

что дело было решено. Терпеть не могу «британских бульдогов». Когда мисс Трокмортон в начальной школе запретила нам в это играть — после того, как Ли Бигтсу выбили три зуба, — я чуть не умер от радости. Но сегодня утром любой отказавшийся играть в «британских бульдогов» выглядел бы полным педиком. Особенно если он живет на Кингфишер-Медоуз, как я.

Мы, то есть человек двадцать — двадцать пять мальчишек и Дон Мэдден, встали в ряд, и капитаны команд стали нас выбирать, как рабов на рынке. Грант Бёрч и Ник Юэн были вместе капитанами в одной команде. Капитанами другой были Пит Редмарли и Гилберт Свиньярд. Росса Уилкокса и Гэри Дрейка выбрал Пит Редмарли — раньше меня, но меня выбрал Грант Бёрч на шестом проходе, то есть это был не полный позор. Дурень и Подгузник остались последними. Грант Бёрч и Пит Редмарли пошутили: «Нет, не берите их обоих, мы хотим выиграть!» — и Подгузнику с Дурнем пришлось смеяться, как будто им тоже смешно. Может, Подгузнику и правда было смешно. (Дурню — не было. Когда все отвернулись, лицо у него стало как в тот раз, когда мы сказали ему, что играем в прятки, и послали его прятаться, а он только через час сообразил, что его никто не ищет.) Подбросили монетку, и Ник Юэн выиграл, так что наша команда стала «бегунами», а Пита Редмарли — «бульдогами». Куртки низкоранговых ребят бросили на лед в обоих концах озера, чтобы обозначить ворота, которые надо атаковать и защищать. Девчонок, кроме Дон Мэдден, и малышей прогнали со льда. «Бульдоги» Редмарли сбились в кучу посреди озера, а мы, «бегуны», отошли на старт. У меня колотилось сердце. «Бульдоги» и «бегуны» пригнулись, как конькобежцы. Капитаны команд принялись скандировать:

— Бульдоги! Раз-два-три!

Митчелл Д.

М 67 Под знаком черного лебедя : роман / Дэвид Митчелл ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-11621-4

Дэвид Митчелл — современный классик британской литературы, дважды финалист Букеровской премии, автор таких интеллектуальных бестселлеров, как «Костяные часы», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски), «Голодный дом» и другие. «Под знаком черного лебедя» — это роман взросления, и Митчелл более чем уверенно выступил на территории, традиционно ассоциирующейся с такими именами, как Сэлинджер, Брэдбери и Харпер Ли. Итак, добро пожаловать в деревушку Лужок Черного Лебедя (где «на самом деле нет никаких лебедей... Это, в общем, такая шутка»). Джейсону Тейлору тринадцать лет, и мы увидим его жизнь на протяжении тринадцати месяцев, от одного январского дня рождения до другого. Он борется с заиканием, тайно пишет стихи, собачится со старшей сестрой и надеется не опуститься в школьной иерархии до уровня Дина Дурана по прозвищу Дурень. Тем временем в Атлантике идет Фолклендская война, в кинотеатрах стоят очереди на «Огненные колесницы», а в отцовском кабинете, где «вращающееся кресло — почти такое же, как в орудейных башнях „Сокола Тысячелетия“ у лазерных батарей», то и дело звучат загадочные телефонные звонки...

«„Под знаком черного лебедя“ — идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты» (*Telegraph*).

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЭВИД МИТЧЕЛЛ
ПОД ЗНАКОМ ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Дарина Никонова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Валентина Гончар

Подписано в печать 13.03.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-19648-01-R